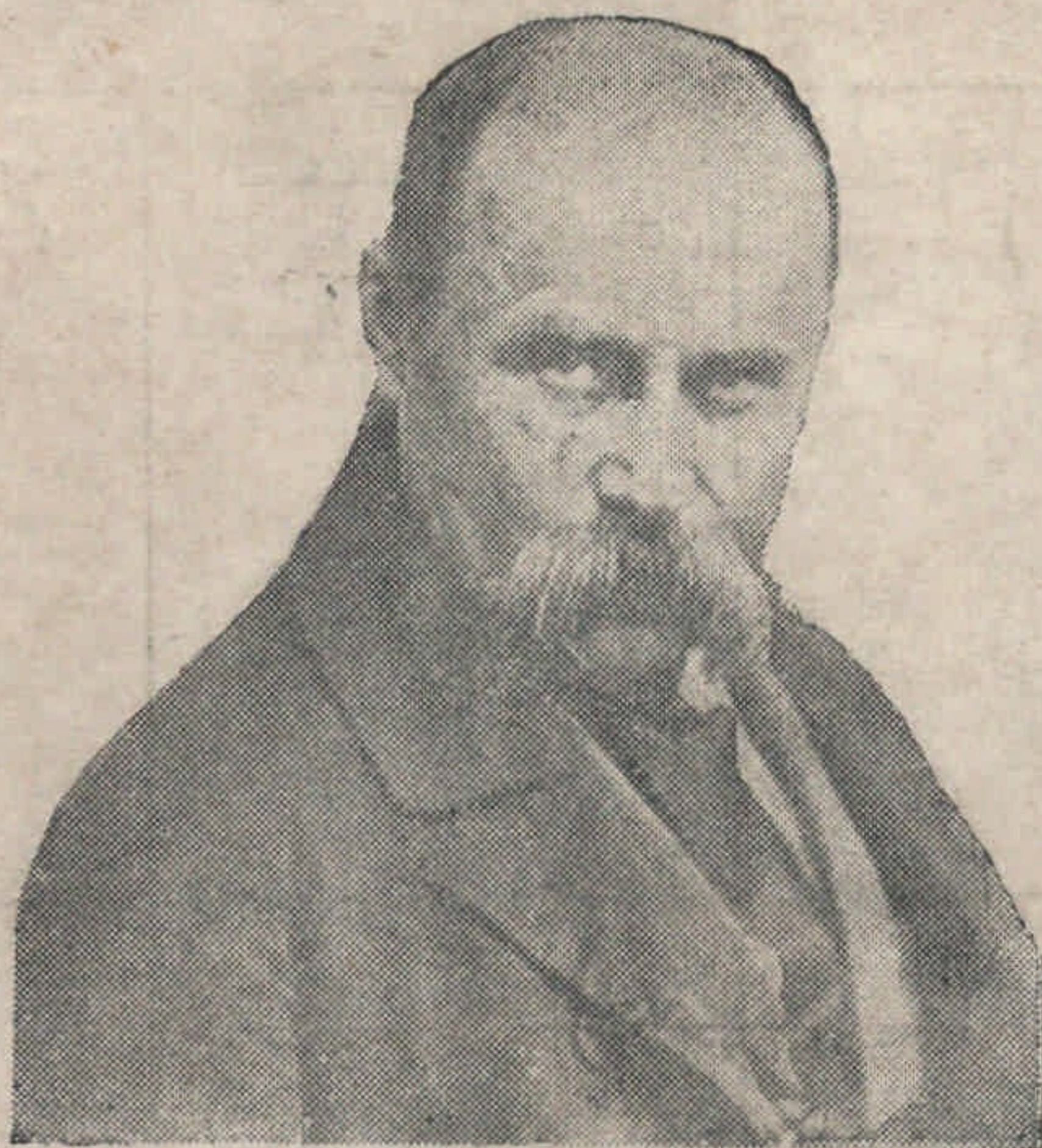

8(4)
С774

А. СТАРЧАКОВ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК

№ 25-26 (796-797)

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА — 1934

МИХ. КОЛЬЦОВ
„МЕНЬШЕЕ ЗЛО“

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 40 (192)
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

ЭРИХ ВЕЙНЕРТ
ГОВОРИТ

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 40 (192)
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ
В БУХТЕ „ОТРАДА“

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 40
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

И. МИКИТЕНКО
БРАТЯ

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 40
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

Б. ЛАПИН и З. ХАЦРЕВИН
СТИХИ
НА ИНДИСКОЙ
ГРАНИЦЕ

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 40
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
СПИНОЗА

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 10 (742)
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

М. МЛЫШКИН
ГОСТИ
В СЕВАСТОПОЛЕ

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 4 (190)
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

МОЛЬЕР
ДОН-ЖУАН

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 431
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

В. ГЕРАСИМОВА
ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ

ВЕЩАТЕЛЬ „ГОЛОС“
№ 185
ЦЕНТРАЛЬНО-САТОВСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА—1941

171

8(c)

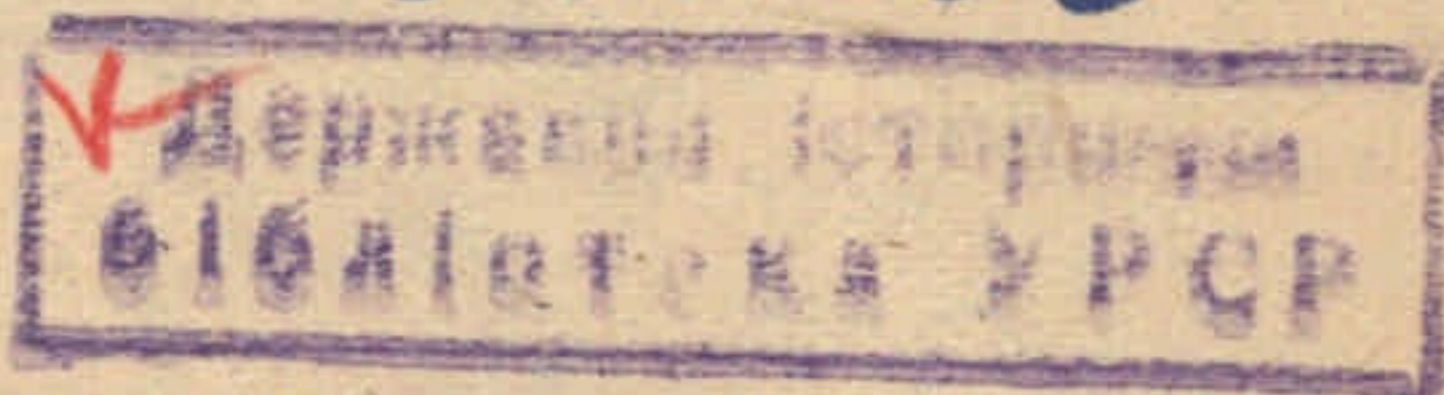
C774

А. СТАРЧАКОВ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Журнально-газетное объединение
Москва—1934

537266

Ответ. редактор Е. ЗОЗУЛЯ

Техн. редактор Л. Свешникова

Издатель—Журнально-газетное объединение

Уполномочен. Главлита В—85522

Тираж 50 000

Зак. тип. 304

Статфор. А₅—105×148 мм. 3/4 бум. листа. Число зн. в 1 бум. л. 93 600

Изд. № 112 Книжка едана в наб. 26/III-34 г. Подп. к печ. 22/IV 1934 г.

Типография и цинкография Жургазобъединения, 1-й Самотечный, 17,

I

Белинский, всем существом своим ненавидевший тиранию, встретил известие о ссылке Шевченки с совершенным равнодушием. Белинский говорил, что он не примирится с действительностью до тех пор, пока не получит от истории удовлетворения за каждую каплю несправедливо пролитой крови. Но по поводу ссылки Шевченки в 1847 году он писал Анненкову: «Мне не жаль его. Будь я судьей, я сделал бы не меньше... Я питаю личную вражду к такого рода либералам».

Биограф Шевченки А. Конисский связывает это высказывание с тем болезненным состоянием, в котором незадолго до своей смерти находился автор письма. Но дело, конечно, не в болезненном состоянии. Воспитанный на образцах великорусской дворянской усадебной литературы, западник до мозга костей, Белинский прошел мимо украинского поэта, не оценив его по достоинству.

Шевченко называл свою поэзию невольничьей. «Я мужицкий поэт»,—говорил он о себе. Белинский иронизировал по адресу Шевченки: «Хороша литература, которая только и дышит что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума». В своей рецензии Белинский писал: «Опыт Шевченки, привилегированного украинского поэта, убеждает нас еще более, что подобного рода произведения издаются только для услаждения и назидания самих авторов». Рецензия давала совет «этим гг. Кобзарям» бросить титул поэта и «запросто служить пером низшему классу своих соотчичей».

Однако высказывания Белинского со всей очевидностью говорят о том, что критик рассматривал Шевченку в плане всей современной ему украинской литературы. Он не выделял его из общелитературного украинского русла и ставил знак равенства между Шевченкой и теми прозаиками и поэтами, которые с провинциальным самоупоеанием мирно славили в стихах и прозе родной край.

О как хороша
Моя Золотоноша!

Познакомившись с Шевченкой по «Чигиринскому кобзарю» 1843 года, прошедшему через суровую цензуру, Белинский, не задумываясь, отнес поэта к ряду провинциальных, уездных, «повітовых» литераторов.

В том же письме Белинского к Анненкову заодно достается и Кулишу. «Один из хохлацких либера-

лов, некто Кулиш,—читаем мы в письме.—Ох, уж эти мне хохлы... либеральничают во имя галушек и вареников со свиным салом».

Произошло то, что во времена Французской революции называли амальгамой, когда по одному приговору посылали на гильотину «бешеных» и роялистов. Шевченко походил на украинского либерала Кулиша не больше, чем «бешеные» великой революции походили на рыцарей королевских лилий.

Белинский, автор письма к Гоголю, потряс до основания старую Россию своим неотразимым обличением. Но он не узнал в невольнике поэта, брата по крови и духу. Можно ли ставить Белинскому в вину, что он не сумел разобраться в своеобразии отдельных представителей современной ему украинской литературы? Навряд ли!

Шевченко как поэт революционный был оценен позже, вторым поколением разночинной критики, Добролюбовым и Чернышевским. Некрасов посвятил Шевченке трогательное стихотворение. Народники увидели в Шевченке, в его личной судьбе и в его творчестве, насыщенной мотивами революционного протеста, родственного им по духу поэта. Для них Шевченко был не только национальным поэтом Украины, но и ярким представителем той публицистической поэзии, так пышно расцветшей в шестидесятые годы. Чернышевский предлагал Герцену переменить тон и в своем «Колоколе» звать не к молебнам, но бить в набат—«к топору зовите Русь». Творчество

Шевченки и прозвучало для народников как долгожданый набат. Шевченко писал:

Добра не жди,
Не жди сподіваної волі.
Вона заснула: царь Микола
Іі приспав, а щоб збудить
Хиренну волю, треба миром,
Громадою обух сталить,
Те добре вигострить секиру,
Та й заходиться вже будить.

II

Классовую природу творчества украинского поэта с гениальной прозорливостью понял Добролюбов. Он говорил о нем: «Тарас Шевченко поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Кольцов не идет с ним в сравнение, потому что складом своих песен и даже своими стремлениями он иногда отделяется от народа».

В этой характеристике Шевченки, в этом противопоставлении его крестьянскому поэту Кольцову с совершенной ясностью поставлен вопрос о том, чьи заветные думы отразились в песнях «Кобзаря».

Когда мы называем Тараса Шевченку поэтом крепостного крестьянства, это не совсем точно. Закон 1848 года предоставлял крепостным право приобретать земли и недвижимости с «оставлением во всей силе и неприкосновенности всех существующих между людьми и их владельцами соотношений».

Тургеневский Хорь приторговывал дегтишком и медком. Тайное корчемство и винокурение, ростовщичество, эксплуатация рабочей силы были источниками

обогащения кулачества еще в то далекое время, когда кулак оставался и сам собственностью своего владельца. Известны имена крепостных, располагавших большими капиталами, инвентарем и недвижимостью, угнетавших своих братьев с еще большей жестокостью, чем помещики.

Кольцов был поэтом имущей части крепостного крестьянства, той его части, которая после реформы выделилась в класс эксплуататоров-кулаков. Селяне Кольцова, привлекательные и благополучные, не похожи на крепостных рабов. Их обычное времяпрепровождение—дружеские пирушки. У Кольцова гости въезжают на конях в приветливо раскрытые тесовые ворота. Но если мы возьмем перепись 1865 года, то установим, что на родине Тараса Шевченки, в его родной Кирилловке, 68,5 всех крестьян были так называемые «пиши»—пешие, безлошадные. Они трудились в пешем строю или с чужим тяглом. У Кольцова даже зима идет в теплой шубе. Его мужичок пашет и сеет с благостной молитвой. Он просто не понял бы шевченковского крестьянина, который вынашивает мысль о борьбе, о мести. Национальная по своей форме поэзия Шевченки по содержанию своему в основных произведениях является поэзией крестьянского восстания—мотив, который пронизывает все творчество поэта.

Повалили гайдамаки,
Аж стогне дибрава...

.....
Горіть Корсунь, горіть Канів,
Чигирин, Черкаси...

Социальная сущность поэзии раннего Шевченки не была ясна и его землякам. Разве не приветствовал поэта патриарх украинской литературы Квитка? Разве Шевченко, обращаясь к Квитке, не называл его «батько, орле сизый» и не просил петь «про старину, про те диво, що було—минуло».

III

Крепостник и монархист, Квитка, харьковский «повитовый маршалок», уездный предводитель дворянства, в своем письме к Шевченке так говорил о впечатлении, которое на него произвел «Кобзарь»:

«Начали читать. Жена плачет. Я прижал вашу книгу к сердцу. Хорошо, очень хорошо. Больше не умею сказать».

Но Квитка и Шевченко были социально полярными писателями. Даже Грушевский, один из лидеров украинского фашизма, вынужден в своей работе признать, что «Квитка не понимал остроты крестьянского вопроса».

Заслуга Квитки была в том, что он, обратившись к родному украинскому языку, широко использовал в своем творчестве народные песни, легенды, поговорки. Квитка был в плену у русских сентименталистов. В форме идиллии, мирной пасторали, водевиля, написанных народным украинским языком, Квитка идеализировал быт украинского крестьянского общества, утверждая мнимое единство и неразрывность ин-

тересов всех его классов и сословий. Вслед за Погодиным в своих «Письмах к любезным землякам» он призывал к верности самодержавию. «Для всех в нашем царстве один самодержец, один начальник—государь наш император Николай Павлович»,—писал Квитка. Приблизительно такую же по содержанию речь произносит Скорник, один из героев его водевиля «Сватанье на Гончаривци». Он весь был в родном, провинциальном быту. Он горячо любил свой «ріднесенькій Харькив», в котором «улицы долги и прямы и даже у самую велику грязь не страшно, не завязнешь, хочь яки поганеньки волики будут». Достаточно сравнить изображение рекрутчины у Шевченки и у Квитки для того, чтобы стало ясно—перед вами представители двух социально различных миров. Квитка часто изображал рекрутчину как пастораль, обязательно с участием доброго пана. Для Шевченки рекрутчина была прежде всего народным бедствием, которое всей тяжестью своей ложилось на бедноту. По зимней улице в буран идет к храму вдова «руки простягати до тих самих до богатих, що сіна в солдати позсторік заголили...»

Шевченко знал, что солдаты «самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна,—семейство, родина, свобода».

Уже в далеком Оренбурге, на третьем году своей ссылки, Шевченко пишет стихотворение, в котором отдает должное дворянам, «паничам», сочинителям эле-

гий и пасторалей из народного быта. Этим стихотворением он развенчивает целую эпоху украинской литературы. Где нашли усадебные сочинители, «паничі», тот рай, о котором они говорят в своих виршах.

Якби ви знали, паничі,
Де люди плачуть живучи,
То ви б елегій не творили...

Он горько смеется над райским житием, изображенным в элегиях усадебных поэтов. Нет того зла, которое не жило бы в мирной на вид идиллической хате.

За що, не знаю, називають
Хатину в гаї тихим раєм.
Я в хаті мучився колись.
Мої там сльози пролились,
Найперші сльози. Я не знаю,
Чи єсть у бога люте зло,
Що б у тій хаті не жило.

Но противопоставление себя дворянским поэтам, «паничам», сочинителям элегий, пришло не сразу. Для этого понадобилось время и прежде всего более близкое знакомство с украинским дворянством и либеральной интеллигенцией.

IV

22 апреля 1838 года Энгельгардт подписал вольную Тарасу Шевченке. Попытка художников Брюллова (будущего учителя Шевченки по классу живописи в Академии художеств) и Венецианова уговорить крепостника отпустить безвозмездно на свободу талантливого юношу окончилась неудачей. Недаром Брюл-

лов называл Энгельгардта «свиньей в торжковых туфлях». Энгельгардт продержал Венецианова в передней добрый час и при первой попытке заговорить о филантропии, сердито оборвал художника:

«Какая тут филантропия! Деньги и больше ничего. Моя цена две тысячи пятьсот рублей».

Портрет Жуковского, написанный Брюлловым, был разыгран в лотерею, и собранные деньги стали платой за свободу. Шевченке шел двадцать пятый год. После нищей безотрадной юности, после семилетнего полуголодного прозябания в Петербурге, на чердаке у грубого и нетрезвого маляра Ширяева, Шевченко становится студентом Академии художеств, учеником «Карла Великого», как называли Брюллова художники. К этому же времени относятся первые поэтические опыты Шевченки.

Произведения поэта, относящиеся к 1838—1843 годам, выделяясь своим глубоким волнением, художественной яркостью, по своей идейной направленности и тематике идут в русле современной ему украинской литературы. Поворот от мечтаний к действительности, от любования историческим прошлым, казавшимся обаятельным, к печальному и жестокому настоящему совершался в поэте исподволь.

Шевченко создает целый цикл лирических стихотворений, глубоко народных, прекрасных и безыскусственных. Девушка спрашивает о судьбе своего милого у ветра. Казак бродит по берегу синего моря в поисках судьбы: «шука козак свою долю, а доли не мае».

Поэт пишет свои «Думы», полные глубокой, но еще беспредметной печали.

Плач же, сердце. Плачте, очі,
Поки не заснули.

Впоследствии эти мотивы туманной печали уступят место глубоко пессимистическим настроениям, безысходности, обреченности. Мир покажется поэту пустыней, в которой нет места какой-либо надежде:

І день іде, і ніч іде,
І, голову схиливши в руки,
Дивуєшся: чому не йде
Апостол правди науки?

Не с кем поделиться мыслями, некому промолвить слова. Но то были уже последние песни.

Ранняя лирика, романсы, баллады, думы чередуются с большими полотнами поэм. В своей поэме «Катерина», посвященной Жуковскому, поэт затрагивает тему свободной любви, отвергнутой обществом и проклятой церковью. Уже в постановке этой темы мы узнаем будущего Шевченку, демократа и народолюбца. Все симпатии его принадлежат Катерине, которая, не слушая своих ближних, любит, как хочет и как знает ее сердце. Но бьет час, трубят поход, москали уходят в Туретчину. Катерина, отвергнутая всеми, брошенная своим возлюбленным, кончает самоубийством, кинув сына в лесу на произвол судьбы.

К этой теме Шевченко вернется еще не раз. Он низведет традиционный религиозный образ богородицы до образа соблазненной деревенской девушки.

В творчестве Шевченки первого периода мы нахо-

дим традиционное прославление вольного казачества, гетманов, кровавых битв «за волю и веру». Прошлое Украины кажется ему прекрасным. Понимание противоречий, которые жили и в том далеком прошлом, придет позже. Он позже поймет предательскую роль гетманов, заключавших союз с Москвой и Польшей в интересах дворянства и за счет широких народных масс. Но на первых порах мотивы националистической романтики, печаль о давно ушедшей старине владеют поэтом.

Де поділась доля-воля,
Бунчуки, гетьмани.
Де поділось? Ізгоріло...

Было и ушло. Вольность Запорожской Сечи, добрая слава казачества погребены в могилах. Там покоятся и воля, и бунчуки, и память о гетманах.

Самым крупным произведением этого периода является поэма «Гайдамаки», поражающая читателя не только своей яркой живописностью, но и богатством формальных приемов. Поэт с совершенной свободой переходит от одного стихотворного ритма к другому, вводит драматургические отрывки. В центре «Гайдамаков» Яремо, батрак, бесконечно униженный и оскорбленный, Яремо

... гнувся, бо не знав,
Не знав, суромаха, що выросли крила,
Що неба достане, коли полетить...

Изображая трогательный образ Яремы, стиснутого эксплуатацией и вырастающего вместе с народным движением, Шевченко согрел этот образ воспоминаниями о собственной безотрадной юности, когда и

он, подобно Яреме, был «попихачем», батраком у своих более зажиточных родственников. Яремо является подлинным героем этой поэмы о народном восстании. Он мстит и за свое угнетение, и за возлюбленную Оксану, и за ее отца, убитого польскими конфедератами.

В поэме «Гайдамаки» дышит слепая и безудержная стихия народного гнева. На этом фоне Шевченко дает портреты атаманов, ватажков Гонты и Железняка, написанных в несколько риторической и преувеличенной манере. Они не могут утолить своей мести горами трупов и морями пролитой крови. Они режут освященными ножами своих собственных детей только за то, что их родила мать-католичка. Риторичность образов Гонты и Железняка отмечает между прочим В. Г. Короленко в «Истории моего современника». Уже в юности своей перечитывая «Гайдамаков», Короленко ощущал, что из красивого тумана, в котором гениальной кистью украинского поэта были разбросаны полные жизни и движения картины бесчеловечной борьбы, стало проглядывать кое-что враждебное его сознанию. Короленке претит та жестокая национальная ненависть, которой пропитаны «Гайдамаки». Поэт, так трогательно изобразивший судьбу несчастной Катерины, с совершенно непостижимой ненавистью говорит о матери-католичке, о ее детях. Гонта проклиняет мать своих детей:

Будь проклята маги,
Та проклята католичка,
Що вас породила.

«В душу просачивается струйка глухого протеста,— говорит Короленко, и поясняет:—вероятно именно потому, что очарование националистического романтизма уже встречалось с другим течением, более родственным моей душе».

Пройдет пять-шесть лет, и в поэзии Шевченки отчетливо зазвучат голоса «другого течения». Сквозь цветы националистической романтики прорастет могучая поросль гражданской поэзии, полная ненависти к угнетающим классам, призыва к социальной борьбе.

В «Гайдамаках» помимо литературных влияний несомненно сказались и традиции той живописной школы, в которой воспитывался Шевченко. Не нужно забывать, что Шевченко был не только поэтом, но и талантливым художником. Его учитель Карл Брюллов, романтик в живописи, поклонник преувеличенного и риторического жеста, несомненно влиял на формирование первоначального художественного вкуса Шевченки. «Гайдамаков» поэт обдумывал в мастерской Брюллова. В своем дневнике Шевченко рассказывает:

«Чем занимался я в этом святилище? Перед его дивными произведениями я задумывался и лелеял в своем сердце своего слепца Кобзаря и своих кровавожадных «Гайдамаков». В тени его изящной, роскошной мастерской, как в знойной дикой степи надднепровской, передо мною мелькали мученические тени наших бедных гетманов. Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами, передо мной красовалась

моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непо-
рочной меланхолической красоте своей».

Но уже несколько лет спустя в творчестве Шев-
ченки намечается поворот от идеализации прошлого
к современности, к познанию действительности. Поэт
находит своего врага, на которого направляет всю
ярость своего таланта. С этим врагом он не переста-
нет бороться до последнего своего часа.

V.

Белинский говорил, что на явление Петра Россия
ответила Пушкиным. Видоизменив эти слова, можно
сказать: «На явление Николая I крепостная Россия
ответила Шевченкой».

Погодин, крепостной человек Строгонова, став про-
фессором и публицистом, доказывал, что у нас не
было рабства, но отеческое управление, за что не
раз получал щедрые подачки. Щепкин, знаменитый
артист и друг Шевченки, в прошлом тоже крепостной,
был убаюкан славой. Но Шевченко был неподкупен.
Он не изменил своей ненависти до конца. Он пронес
ее, как драгоценный сосуд, сквозь целую жизнь, от
лакейской своего господина Энгельгардта до мастер-
ской Брюллова и от ссылки до своего предсмерт-
ного часа.

Когда перечитываешь произведения Шевченки, на-
чинает казаться, что он никогда не забывал о Нико-
лае I. Образ царя тяготел над его сознанием. Он

караулит каждое его движение, каждый его шаг. Какими бы именами ни называл Шевченко Николая I, эпитет остается одним и тем же—«неудобозабываемым». Этим тяжеловесным эпитетом поэт словно хочет сказать о своем бессилии расстаться с преследующим его видением.

Шевченко годами вынашивал мысль о борьбе с самодержавием. Он писал о цареубийстве, как о чем-то весьма будничном и неизбежном. О цареубийстве не раз писали и до него. Поэт-дворянин, приняв позу античного героя, размахивая кинжалом, нараспев, по правилам классической школы читал:

«Лемиосский бог тебя сковал для рук бессмертной Немезиды».

А Шевченко писал так:

«Люди тихо, без всякого лихого лиха царя до ката поведуть».

Еще не так давно поэта домчал на телеге к месту ссылки фельдъегерь Вильдер, покрыв в несколько дней больше двух тысяч верст. Еще не отзвучали в памяти слова приговора, объявленного ему всесильным Леонтием Дубельтом. Но, рискуя своим будущим, Шевченко тайно от всех заносит на клочке бумаги:

Хула всьому. Ні, ні. Нічого
Нема святого на землі...
Мені здається, що й самого
Тебе вже люди прокляли.

В столице еще не решен вопрос о его дальнейшей судьбе. В Нижнем Шевченко пишет своего «Юродив-

537266

вого», где жестоко достается земному, а заодно и небесному царю. Снова гремит его опалающая речь.

А ти, всевидящее око,
Чи ти дивилося звисока,
Як сотнями в кайданах гнали
В Сибір невольників святих,
Як мордували, розпинали
І вішали? А ти не знало.
І ти дивилося на них
І не осліпло. Око, око,
Не дуже бачиш ти глибоко.

Поэт после десятилетней ссылки вернулся в Петербург. Его обнимают друзья. Его чествуют на товарищеских обедах. Он занят литературными и семейными хлопотами. Но вера его неизменна.

... Умрутъ
Ще незачаті царята...
І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буди син, і буде мати,
І будуть люди на землі.

Поэт заходит в мастерскую своего знакомого скульптора Мекешина, занятого лепкой фигуры Екатерины II для памятника «Тысячелетие России». Шевченко угрюм и сосредоточен. Он вспоминает, что Екатерина распространила на казацкого старшину права русского дворянства, что она окончательно закабалила украинских крестьян и роздала своим любовникам в дар миллионы рабов. И на бумагу ложатся неистовые проклятия. Ненависть к угнетателям была его стихией. Ею жил и дышал поэт. Подобно Лютеру, он мог бы сказать о себе: «здесь я стою, я не могу иначе».

Шевченко был привлечен к суду по делу украинских славянофилов. Но меньше всего можно говорить о формировании взглядов Шевченки в кружке Костомарова. Он, конечно, много почерпнул из бесед с высококультурными кирилло-мефодиевцами, но Шевченко пришел к Костомарову уже как бунтарь. Костомаров и его друзья не раз обуздывали «бурлачество» поэта. Среди умеренных либералов, усадебных мечтателей, он, пожалуй, был единственным революционером.

Во время следствия на вопрос: «Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя-императора», Шевченко отвечал: «Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзость и порицание на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я слышал еще более и хуже между молодыми и степенными людьми».

Но, несомненно, революционные настроения исподволь стали формироваться еще до приезда в Петербург. Семнадцатилетнего Шевченку Энгельгардт посылает на выучку к художнику Лампи, в Варшаву. То был грозный 1830 год. Совершенно неожиданно после затишья рабской, крепостной деревни, прямо из лакейской своего господина, молодой Шевченко попадает в самый центр польской революции. Он слышит мятежные речи восставшего народа. Он видит казнь блестящих генералов, оставшихся верными Константину, — их вешали на фонарях. С холма он

наблюдает за сражением польских повстанцев с войсками русского правительства.

Быть может, здесь, впервые из этих разговоров и толков, возникла та бешеная ненависть к самодержавию, которая не покидала его на протяжении всей его жизни.

В 1831 году Шевченко попадает к живописцу маляру Ширяеву в Петербург. В рубище маляра он слоняется по улицам, выполняет по заданию своего хозяина малярные работы. Он живет жизнью крепостного пролетария. В Петербурге еще свежи воспоминания о декабристах. В памяти времена, когда петербургские ремесленники, стоя на лесах строящегося Исаакиевского собора, встречали конницу Николая поленьями и камнями.

Случайная встреча с художником-украинцем Сошенко, по достоинству оценившим художественный талант молодого Тараса, и после знакомства с Брюлловым решают его судьбу. Наступают годы ученичества. Шевченко живет где-то на 9-й линии, у булочника Доненберга, в квартире под небесами. В квартире бедно, пусто, нет мебели. У полукруглого окна стол, в углу кровать, мольберт, сломанный стул. Пыль. На полу исписанные бумаги, вдоль стен холсты, алебастровые слепки, маска Лаокоона. В квартире вместе с Шевченкой жил художник Штернберг. «Жили они убого», — рассказывает один из современников. Вместе со Штернбергом больше месяца на

квартирке Шевченки прожил известный впоследствии маринист Айвазовский.

Мы видим Шевченку среди мелкопоместной дворянской интеллигенции, в кругу художников, офицеров, студентов, среди столичной богемы. Это была та среда, где в сороковых годах широко распространялись идеи утопических социалистов. В конце сороковых годов развернул свою революционную работу Петрашевский. В 1845 году, в самом начале того года, когда идейный перелом обозначился со всей очевидностью, Шевченко встречает петрашевца Момбели.

VI

Незадолго до встречи с Момбели, после одного из майских парадов после роскошного спектакля, в котором принимали участие царь, двор, армия, поэт пишет свою сатиру «Сон», полную гнева и печали. Впоследствии сатира «Сон» попадает во время обыска в руки жандармов и станет неотразимой уликой в глазах его судей. Шевченко заплатит за сатиру десятью годами ссылки.

Если в произведениях раннего периода мотивы национальные были преобладающими, то в своей сатирической поэме Шевченко явственно выступает уже не только от имени родной страны, но и родного ему класса. Трудящимся неоткуда ждать спасения. Не пощадит ни земной, ни небесный царь.

Я полечу
Високо-високо за синіі хмари.
Немає там власти, немає там кари,
Там сміху людського і плачу не чуть.

В поеме «Сон» мы находим иную Украину, не похожую на ту раздольную, блаженную страну, которая приснилась поэту в роскошной мастерской Брюллова. Судьба угнетенных и эксплуатируемых наполняет его лиру звуками гнева и страсти. Вот тот рай, где:

Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають, бо нічим обути
Княжат недорослих. А он розпинаєть
Вдову за подушне.

Мотивы религиозного упования чередуются с мотивами богоборческими, кощунственными. Шевченко по-прежнему обращается к небу. Но это обращение в его поеме звучит не как молитва, но скорей как угроза.

Шевченко стоит белой ночью перед Медным всадником, перед замечательным памятником Фальконетти. Поэт размышляет о печальной судьбе украинских казаков, согнанных на строительство Петербурга. Он полон гнева, осыпает Петра проклятиями. Он не может забыть, что город построен на костях невольников, что две тысячи его земляков-украинцев насильственно были согнаны сюда из родных степей и сел. В ночном молчании он слышит голоса погибших казаков.

Царю проклятий, лукавий,
Аспиде неситий.
Що ти зробив з козаками,
Болога засипав.

Шевченко воплотил в своей сатирической поэме великую правду. Он рассказал о военно-феодальной эксплуатации крестьянства в обстановке крепостническо-помещичьего государства. Но вместе с тем в этой поэме запечатлена слабость, ограниченность мировоззрения крестьянского революционера, его ненависть к городу, к городской культуре. Шевченко в то время не знал и не мог знать, что рост города, рост капитализма приведет к распаду феодального общества, к падению крепостничества, к замене его другой, менее откровенной формой эксплуатации крестьянства. Как ранний народник он противопоставлял городу мечты о крестьянском рае, о труде свободных селян на праведной божьей земле, отнятой у помещиков-эксплоататоров.

Если его сатирическая поэма «Сон» была по тирании, то в своем «Еретике» Шевченко выступает против ее прислужницы—официальной церкви. Не будучи последовательным атеистом, переходя от наивной веры в божество к его отрицанию, Шевченко оставался неизменным в одном. Он бешено ненавидел официальную церковь, православных попов и католических аббатов, он не уставал обличать их в прозе и стихах. Строки, обращенные к римскому папе, отмечены большой силой. Неужели кара не обрушится на голову откормленного монаха, торгующего с высоты апостольского престола райским спасением.

Ні. Настане час великий
Небесної кари.
Розпадуться три корони
На гордій тіярі.

Но вершиной политического самосознания несомненно является поэма Шевченки «Кавказ». В этой поэме Шевченко выступает уже не только от имени угнетенной украинской национальности. Он говорит о других малых народах, угнетенных империей. В поэме Шевченки нет ничего, что напоминало бы традиционные кавказские мотивы дворянской литературы. Кавказ для дворянина, отправлявшегося туда в порядке разжалования и ссылки, был прежде всего местом, где стиснутая условностями личность могла развернуться во всю ширь.

Шевченко читал Марлинского и частично в своем творчестве подражал этому нелучшему образцу романтического индивидуализма. Но в своей поэме он не только преодолевает традиционную линию в изображении Кавказа, но дает совершенно новое идейное и художественное качество. Поэма «Кавказ» посвящена его другу де Бальмену, убитому в бою с чеченцами. Шевченко не зовет к мести, не осыпает проклятиями убийц своего друга. Кто повинен в гибели де Бальмена? Самовластие, которое жадно тянется к кавказским аулам. Поэт обращается к горцам с призывом бороться до конца, потому что «за вас правда, за вас слава и воля святая». Он по опыту родной Украины знает, какая судьба ждет покоренный Кавказ. Он предупреждает горцев, что вслед за вооруженным насилием придет насилие церкви, придет и ненавистное крепостное право. В своей поэме Шевченко подымается до мысли о единстве поработенных народов.

У них общий враг—империя, эта тюрьма, в которой:

От молдаванина до фина
На всіх языках все мовчит.
Бо благоденствуе.

Поэму «Кавказ» знал Чернышевский. Он цитирует ее в одной из своих статей.

Новые ноты звучат и в оценке исторического прошлого Украины. В «Послании к землякам», к либеральному дворянству, к украинской интеллигенции, которую он наблюдал во время своих двух поездок на Украину, мы находим уже иные критические ноты. Он обращается к землякам с просьбой познакомиться с историей Украины, добросовестно «от слова до слова» перечитать ее и тогда для них станет ясней историческая роль славных предков, которыми так кичится украинская интеллигенция. Разве не они входили в сделку с московскими царями и воеводами, продавали в рабство меньшого брата? Незачем называть именами римских героев гетманов. Нет, они не Бруты, они рабы и грязь Москвы, они варшавский мусор, эти ясновельможные гетманы. Так чего же вы чванитесь, вы, сыны сердечной Украины?

Поездки на родину, встречи с украинской интеллигенцией, польскими революционерами, все это вздувало творческий пламень. Именно на Украине были написаны произведения, наиболее насыщенные идейно-политическим содержанием. Вместе с тем на Украине поэт с особенной силой ощущал свое одиночество, призрачность тех связей, которые существуют у него с окружающей либеральной интеллигенцией. Во время разъез-

дов по Украине кроме своих поэм Шевченко создает ряд лирических стихотворений, проникнутых чувством глубокой скорби и одиночества.

І все заснуло... І не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світу волочусь,
Бо вже не плачу й не сміюсь...

Поэт понимал, что голос его не доходит до широких народных масс, что его слушают те, с кем у него нет и не может быть общего языка.

VII

5 апреля 1847 года Шевченко провел в пути. Он торопился из Седнева в Киев, где его ожидали друзья. То был период в жизни поэта, отмеченный интенсивным ростом. Шевченко и сам знал о том глубоком внутреннем переломе, который произошел в нем за три последние года. Налаживались и личные дела. Поэт рассчитывал занять место преподавателя рисования в киевском университете, мечтал о поездке за границу, в Италию. Академия художеств отметила двумя серебряными медалями его работы.

Под Киевом, в Броварах, поэт переоделся—он сменил дорожную свитку и вышитую украинскую рубаху на фрак и белый галстук—поэт должен был присутствовать на свадьбе Н. И. Костомарова, будущего известного историка и писателя, близкого друга Шевченко и товарища по кирилло-мефодиевскому обществу.

Шумный паром пересек реку. Шевченко сошел на берег и тут же был арестован и отвезен к киевскому губернатору. Из разговора с губернатором Шевченко понял, что свадебное торжество расстроено бесповоротно, что его товарищи по обществу уже в тюрьме.

— Что это вы, Тарас Григорьевич, во фраке и белом галстуке?—иронически спросил поэта губернатор.

— Я спешил на свадьбу к Костомарову. Я приглашен к нему шафером,—ответил поэт.

— Ну, куда жениха, туда повезут и шафера.

За год до ареста, весной 1846 года, во время второй поездки на Украину, у Шевченки установилась связь с кирилло-мефодиевским обществом. Если Н. И. Костомаров был вождем украинского славянофильства, организатором и вдохновителем общества, то Шевченко был его пламенным и неутомимым пропагандистом. Сохранив на всю свою жизнь глубокое уважение к кирилло-мефодиевцам, поэт все же не мог не подметить слабых сторон украинских славянофилов. Это были широко образованные люди, ездившие за границу, изучавшие немецкую философию. Они твердо верили в свое общественное призвание, на всех перекрестках они произносили прекраснодушные речи о народной неволе и темноте, о том, что господь бог создал украинского интеллигента не для того, чтобы он покорился неправде. Ни в какой мере не уменьшая значения заграничного образования, поэт все же знал, что украинские либералы привезли из-за границы «слов велику силу тай більш ничего». Слова не мешают

господам попрежнему эксплуатировать «наименьшего брата гречкосия». Положение Шевченки в кружке Костомарова было двойственным. Он грозил либералам восстанием. «Близится час кровавого суда, когда кровь струями потечет в синее море и неоткуда будет ждать тогда помощи, брат отречется от брата, дитя от матери, и дым тучею завесит перед вами солнце». Обращаясь к украинскому дворянству, он грозит: «І навіки прокленетесь своїми синами».

Но в то же время рядом с призывами к восстанию, к мятежу в его творчестве отразилась и наивная вера, что противоречие может быть изжито просветительской деятельностью господствующих классов. Немного больше внимания и любви к «гречкосиям»—и люди-братья протянут друг другу руки. В том же стихотворении, в котором поэт грозит угнетателям кровавой мстью, он закликает земляков—либеральных помещиков, интеллигентов—опомниться и протянуть руку униженным и оскорбленным:

Обніміте ж, брати мої,
Найменьшого брата,
Нехай мати усміхнеться,
Заплакана мати,
Благославить дітей своїх
Твердими руками
І діточек поцілує
Вольними устами.

Шевченко был крестьянским революционером и в сознании его отразились все слабости и противоречия, свойственные крестьянской революции. Сын порабощенного «кріпакства», он рассчитывал получить из-

бавление при содействии наиболее просвещенной прослойки угнетавшего класса, той его части, которая объективно отражала буржуазный путь развития. Здесь коренилась трагедия поэта—бедняка, раба, поднявшего знамя восстания в феодальном обществе. Рабы ковали железо, а плоды восстания пожинала молодая буржуазия, у которой были свои старинные счета с феодализмом.

VIII

Через двенадцать дней после ареста квартальный надзиратель Гришков домчал поэта на перекладных в Петербург и сдал его в Третье отделение, куда уже были доставлены другие члены кирилло-мефодиевского общества. К концу мая следствие было закончено. Шеф корпуса жандармов граф Орлов, лично руководивший следствием, отнесся довольно милостиво к членам общества. Мечты украинских славянофилов о всеславянском объединении, об уничтожении племенной и религиозной розни между славянскими племенами не содержали в себе ничего угрожающего видам правительства. Будущее рисовалось в образе федерации славянских государств, возглавляемых сеймом, где депутаты от всех республик решали бы дела, относящиеся ко всему славянскому союзу. Учредители кирилло-мефодиевского общества считали необходимым отмену крепостного права и распространения грамоты среди крестьян.

Но дело в том, что планы эти носили весьма отвлеченный, не связанный с конкретной действительностью характер. Это признавал и сам учредитель общества Н. Костомаров. «Мы не могли,—говорит он,—уяснить в подробности образ, в каком должна была явиться наша воображаемая федерация государств. Создать этот образ мы предоставляли будущей истории».

К тому же арестованные сумели убедить судей, что переустройство должно было совершиться не революционным методом, но исключительно путем мирной пропаганды и чуть ли не при ближайшем содействии русского царя. В докладе шефа жандармов по делу общества мы читаем: «Цель общества заключалась в соединении славянских племен под скипетром русского императора. Средствами для достижения целей предполагалось воодушевление славянских племен к уважению собственной народности и водворение между славянами согласия». В том же докладе мы находим следующую характеристику украинских славянофилов: «В мыслях их никогда не было ни народных потрясений, ни возмущений, ни преобразования законных властей в России, а тем более каких-либо вооруженных движений». Но «дабы отвратить других славянофилов от подобного направления», решено было наложить на членов общества некоторые взыскания. Гулак и Костомаров заплатили за свои панславянские мечты четыремя годами крепости и страхом на всю жизнь перед жандармами. О послед-

нем есть несколько любопытных страниц в записках А. Панаевой.

Жандармы по достоинству оценили незлобие украинских славянофилов. Вместе с тем они отлично поняли, кто является подлинным носителем революционного огня. Следствие не стало на официальный путь. Связь Шевченки с кирилло-мефодиевцами была отвергнута. Шевченку судили прежде всего за его творчество. Заключение отметило, что замыслы славянофилов были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, что Шевченко начал писать свои «возмутительные» сочинения еще в 1837 году, когда славянские идеи не занимали киевских ученых, что он действовал отдельно, «увлекаясь собственной испорченностью», и по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, должен быть признан важным преступником. Приговор по делу Шевченки был одним из тех литературно-политических убийств, которыми так изобиловало царствование «неудобоназываемого тормоза».

IX

Во время следствия, в одиночном заключении в своем каземате, Шевченко создает целый венок лирических стихотворений. Поэт словно стал привыкать к своей камере:

І до дверей, на ключ замкнутих,
І до решотки на вікні
Привик я.

Стихотворения, написанные за решеткой, полные ли-

рического подъема, в сущности воспроизводят весь творческий путь, пройденный поэтом. Охватывая небольшой период в полтора месяца, стихотворения воспроизводят все те основные мотивы, которые были отражены в его поэзии в течение короткой свободы.

Мы находим часто народные мелодии: «Ой, одна я одна, як білиночка в поле». Поэт пишет балладу «Ой, три шляхи широкие». Из своей тюрьмы он вспоминает о тихом весеннем вечере на родине в своем широко известном стихотворении «Садок вишневый коло хаты». Образ обманутой девушки, который он когда-то с такой силой запечатлел в своей «Катерине», повторяет в своем стихотворении «Не спалося. А ніч, як море». Это стихотворение было подсказано разговором двух часовых у его дверей. Дворянин соблазнил возлюбленную одного из солдат, стоявших на часах, и бросил ее. Девушка утопила своего ребенка. Солдат рассказывает о том, как он напрасно пытался отомстить соблазнителю.

В своем стихотворении «За байраком байрак» поэт снова обращается к тем далеким временам, когда гетманы торговали простолюдинами. И в последнем прощальном слове из тюрьмы он заклинает своих товарищей по сообществу не падать духом и нести в степи и дебри «слова правды». Он издалека спрашивает своих соратников:

Чи ми ще зійдемося знову,
Чи вже навіки розійшлись.
І слово правди і любови
В степи і дебрі рознесли.

В заключении поэт думает не о своей личной судьбе. Его не волнует вопрос, какой приговор вынесут ему судьи и останется ли память о его жизни и творчестве. Его и за решеткой больше всего волнует судьба родины, страдания угнетенных. Он пишет свое замечательное стихотворение:

Мені однаково, чи буду
Я жить в Україні, чи ні,

которое является политической исповедью заключенного поэта.

В последний день мая 1847 года приговор был утвержден, и 9 июня в одиннадцать часов ночи Шевченко был доставлен в Оренбург, а оттуда отправлен в Орск за триста верст для определения в пятый батальон. С высокого плоскогорья поэту открылась унылая картина. В пустынной выжженной солнцем степи одиноко белели стены Орской крепости. Она показалась Шевченке раскрытой могилой. «Поют ли здесь птицы?»—думал поэт, вглядываясь в безлюдную, лишенную растительности степь. Под горою, против казематов для каторжников, были расположены бревенчатые казармы—будущее обиталище поэта. Ротный командир с первого абцуга пообещал Шевченке выпороть его розгами «в случае, если он будет вести себя дурно». Молча, вытянувшись во фронт, певец Украины выслушал угрозы ротного громовержца. Но Шевченко ничего иного не ожидал. «И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито и злобно посмеяться надо мной, толкнув меня в

самый вонючий осадок христолюбивого воинства», — говорил он по своему адресу. Он знал, что в такие каторжные норы, как Орск, шли служить отбросы, пятнавшие собой даже невзыскательную среду армейского офицерства. Из Орска его перебросят в Раим, а оттуда в Новопетровск. Шевченко идет пешком семьсот верст солончаками до Раима.

Бездушные, грубые лицедеи, с которыми пришлось поэту в течение десяти лет разыгрывать эту мрачную монотонную драму, оставили в его душе неизгладимый след. Уже на свободе, вдали от ненавистной казармы поэт записал в свой дневник: «Во сне видел Орскую крепость и корпусного ефрейтора Обручева. Я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог притти в себя от этого возмутительного сновидения». Дневник Шевченки берег целую портретную галерею армейских забулдыг, пьяниц и мздоимцев, измывавшихся над поэтом.

«В продолжение десяти лет я кроме степи, казармы ничего не видел и кроме солдатской рабской речи ничего не слышал», — пишет в дневнике поэт.

Потянулись однообразные казарменные будни. В шесть часов утра солдат будил барабан. Поэт фабрировал усы, облачался в свою амуницию и являлся перед хмельно багровое лицо отца-командира. На плацу начиналось учение, изнуряющая бессмысленная шагистика. Добродетель николаевского солдата измерялась тем, в какой мере он владел искусством тянуть носок

и плавно на него опускаться. В свой дневник поэт заносит: «Даже благонамеренные люди, как например, наш лекарь Никольский, любят посмотреть, как вытягивает носок посиневший от напряжения человек». После пятичасовой пытки в строю поэт отправлялся на словесность. Так называлась зубрежка со слов ефрейтора имен, отечеств, фамилий от ротного командира до военного министра. В заключение ефрейтор произносил «длиннейшее и глупейшее наставление о том, как должен вести себя бравый солдат и за что он обязан любить бога, царя и начальника». Со временем выработалась способность прятать мысли и чувства. В конце концов поэт освоился с этим отвратительным спектаклем. Похоронив свои мысли глубоко в душе, поэт не позволил действительности «коснуться своими железными когтями убеждений, младенчески светлых верований».

В девять часов вечера солдат запирали в казармы. Усталые до оцепенения, они размещались на нарах. Начинались рассказы о том, кого били, кого обещали бить. О письме и рисовании не могло быть и речи. Во всяком случае в первые годы ссылки. В дневнике Шевченки мы находим такие негодующие строки:

«Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать. Мне запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего бедного существования. Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного нечеловеческого приговора. А бездуш-

ные исполнители приговора исполнили его с возмутительной точностью».

Примостившись на табурете, при свете сального огарка, поэт неумелой рукой чинил свою ветхую амуницию. В одиннадцать часов в казарме наступала ночь.

Иногда в пустыне им овладевала безмерная тоска. «Грустно, невыразимо грустно. В продолжение ночи я не мог заснуть. Меня грызла и гоняла, как на корде вокруг огорода, самая свирепая тоска». Он готов грызть цепи, но они скованы не теми кузнецами.

Якби кайдани перегризти,
То гриз потроху б. Так не ті,
Не ті їх ковалі кували,
Не так зализо гартували,
Шоб перегризти. Горе нам,
Невольникам і сиротам,
В степу безкраім за Уралом.

И все же несмотря на запрещение писать поэт, рискуя навлечь на себя еще более жесткую кару, не забрасывает своего творчества. Годы тянутся медленно—так осенью в степи бредут чумаки. Поэт прячет за голенище солдатского сапога собственноручно сшитую записную книжку. Нет, лучше быть распятым, чем изменить своему призванию.

Та вже ж нехай хоч розіпнуть,
А я без вірші не улежу.

В глубокой тайне от окружающих он пишет свои стихи, полные скорби, тоски по родине, ненависти к угнетателям. Произведения, написанные в ссылке, можно по праву назвать песнями отчаяния. Но время идет, творческая мысль, не получая отклика, глохнет.

Проходят три года, и поэт умолкает. Молчание длится целых семь лет. Наступает пустынное немое житие.

В глушь изредка доходит разрозненная книга «Библиотеки для чтения», отдельный номер «Петербургских ведомостей». Уже накануне самого освобождения, в 1857 году в руки Шевченки попадает книга Либельта об искусстве, замечания по поводу которой говорят о том, что и пустыня не сломила пытливости и жажды знаний.

Бесталанную книгу Либельта поэт встречает с восторгом. Он буквально благословляет унтер-офицера Кулиха, польского ссыльного, с помощью которого он достал эту книгу. Между прочим замечания по поводу Либельта позволяют нам судить об эстетических воззрениях поэта. Либельт был идеалистом. Это отталкивает Шевченку от его сочинения. Но осторожное высказывание Либельта о том, что «дух не может существовать независимо от материи», в какой-то степени примиряет поэта с теоретиком искусства.

Шевченко был освобожден в 1857 году. Началось мучительное ожидание. До получения официального уведомления Шевченко попрежнему был обязан служить строевым солдатом. Через Нижний Новгород он возвращается в Петербург, горячо встреченный друзьями. Крупнейшие произведения последнего периода его жизни—поэма «Неофиты», посвященная памяти декабристов, поэма «Мария», завершающая целую вереницу женских образов в творчестве Шевченки, ряд лирических стихотворений. По своей тематике и по

своим художественным достоинствам творчество последнего периода не подымается уже над прошлым.

24 февраля 1861 года в шесть с половиной часов утра жизнь Шевченки, надломленная ссылкой и одиночеством, оборвалась.

Но поэт и за гробом был страшен его угнетателям. Еще не успели предать его тело погребению на Украине, как во все концы полетели телеграммы, предлагавшие властям пресечь какие бы то ни было проявления особого уважения к бывшему рядовому, покойному Шевченке. Чем шире росла его популярность в народных массах, тем яростнее неистовствовала царская администрация. Всякая попытка со стороны украинского народа отметить годовщину рождения или смерти великого поэта встречала волну административного произвола. Недаром Владимир Ильич в свое время писал, что мероприятия царской администрации революционизировали в большей мере украинское крестьянство, чем агитация самых красноречивых ораторов.

Х

История знает немало примеров ожесточенной классовой борьбы вокруг творческого наследия того или иного мыслителя, художника, музыканта. Одним из ярких примеров такой борьбы являются те споры, которые велись и ведутся вокруг творчества Тараса Шевченки, поднявшегося из самой преисподней рабовладельческого общества.

В Харькове, в музее Института по изучению Шевченки вы можете увидеть портрет, писанный художником Карлом Брюлловым. Это тот самый портрет В. Жуковского, который был разыгран в лотерее, устроенной для выкупа Тараса. Но потомки рабовладельцев не стеснялись объявлять Тараса Шевченку «своим». Пламень классовой ненависти, которым веет от «Кобзаря», они пытались подменить елеем гражданского мира.

Уже Пантелеймон Кулиш, кирилло-мефодиевец, современник поэта, помещик и крепостник, приукрашивал буйную музу Тараса. Цензура усердно настраивала его лиру на божественный лад. Какой-то пан Лобадовский подделал известную поэму Шевченки «Мария», обработал безбожный текст в клерикальном, церковном духе. Примерно то же случилось с другой поэмой Шевченки—«Неофиты».

Овладев текстом тарасовых песен, снабдить текст своим комментарием и таким образом найти путь к миллионам читателей-крестьян—эта задача не раз ставилась идеологами эксплуататорских классов. Еще совсем недавно наследство Шевченки фактически находилось в руках враждебного нам литературоведения. Украинские националисты пытались использовать литературное наследство великого поэта для своих политических целей, насквозь враждебных диктатуре пролетариата.

В своей статье «Об одном недоразумении» Н. Скрипник писал: «Шевченко с его социалистической идеоло-

гией может стать нашим знаменем. На нем мы заостряем свою социалистическую политику, борясь с идеологией, враждебной пролетариату». Высказывание это не является случайной обмолвкой литератора. Статья Н. Скрыпника воспроизводит отрывок из одной его политической речи.

Мы знаем, как высоко ценил Ленин великих основоположников революционного народничества. Но было бы глубочайшим заблуждением объявлять сегодня народников нашим знаменем. Высказывание Н. Скрыпника, ложное до конца, находится в тесной связи со всей системой его политических ошибок и, в частности, с его неленинской, небольшевистской оценкой украинских мелкобуржуазных партий. В этом лозунге, брошенном Н. Скрыпником, есть привкус реакционного романтизма, который так характерен для украинских националистов. Фашистская агентура охотно солидаризировалась с его лозунгом. Он стал той дымовой завесой, за которой свободно мог маневрировать классовый враг.

Украинские националисты в своей оценке творческого наследия поэта подходят с тезисом о «классовом единстве украинской нации». Всемерно разжигая вражду между трудящимися различных национальностей, украинские националисты в то же время объявляют социальную борьбу на Украине никогда не существовавшей. Украина им кажется тем идиллическим садом, о котором Шевченко писал в далекой ссылке. Садом, в котором живет неомраченный покой.

Украинские националисты утверждают особую теорию безбуржуазного развития Украины.

Создать подобную теорию было нетрудно. Несомненно труднее было довести ее до сознания народных масс, попытаться отравить ядом национализма сознание трудящихся. Одной из разнообразных форм этой работы и стала фальсификация литературного наследства Тараса Шевченки, певца угнетенного крепостного крестьянства. Украинские националисты берут у Шевченки только его ненависть к великодержавному шовинизму и зачеркивают глубоко революционную, социальную сущность его творчества. Поэта изображают великим гуманистом, апостолом красоты и правды, проповедником гражданского мира.

В творчестве поэта, противоречивом, отражавшем сознание крестьянского революционера, подчеркиваются наиболее слабые, реакционные элементы его мышления. Как раз на этой стороне делали упор и в комментариях, и в пояснительных статьях, и в теоретических работах классовые враги.

Попутно не забывали фальсифицировать и самый язык. Когда-то Некрасов писал о всенародности творчества Шевченки, о его доступности для понимания не только украинского, но и русского читателя. Украинские националисты всячески обрабатывали ясную, мирскую речь Тараса Шевченки, тщательно изгоняя все элементы, способствовавшие сближению украинского и русского читателя, заменяя их польским и галицийским словарем. Эта работа была звеном единого по-

литического плана, выношенного украинскими националистами. Интервенция, слияние советской Украины с Галицией и утверждение на всей территории соборной Украины—до Карпат и за Карпатами—господства фашистской диктатуры—вот о чем мечтали мирные комментаторы шевченковского наследства.

XI

Если фальсификаторская работа на территории Союза могла вестись только исподволь, то за кордоном контрреволюционная эмиграция широко использовала это оружие. Один из идеологов петлюровщины в брошюре «Шевченко и самостийная Украина» писал: «Национально-политические взгляды поэта можно изложить в [небольшой] схеме. Что нужно Украине? Свой дом. Кто виноват, что его нет? Изменники, перерожденцы. Кто враг Украины? Московщина». Свой дом—это в некотором роде поэтический образ. Фашист Грушевский вкладывал в этот образ вполне конкретное содержание. В свое время он скорбно жаловался, что для него приход большевиков на Украину был связан с «зруйнованием моей хаты, моего кабинета, з ними всего мого майна (добра)». Речь идет о зруйновании, разрушении не традиционной украинской хаты, дремлющей в тени черешневого сада. Хата Грушевского—это известный в свое время в Киеве восьмиэтажный доходный дом, который сгорел в дни первого прихода красных.

С точки зрения фашистской теории единства нации нет отличия между скромной хатой украинского бедняка и восьмиэтажным домом собственника. Грушевский вполне последовательно отождествляет разрушение своего дома с гибелью всей Украины. Он говорит: «в сим огнищи Украйна поховала свое старе». Оставалось только использовать авторитет Шевченки, крепостного певца, для того, чтобы придать фашистской идее нужное оперение. «Великий кобзарь—наше знамя, наш лозунг». Это говорит Грушевский, в свое время аплодировавший приходу на Украину германских и австрийских оккупантов, писавший о том, что он верит в государственный разум германского и австрийского правительства.

Следуя опыту предателя, оккупанты и сами не забывали писать в своих листовках, что Шевченко был врагом разорения панских усадеб и самовольного захвата помещичьих земель. Какой-то прусский лейтенант 474-го стрелкового полка счел даже нужным явиться с официальным визитом на могилу Шевченки.

Тарас взывал сквозь черную ночь крепостничества: «друзи мои, искренние мои, пиштите, подайте голос за эту бедную грязную, опаскуженную чернь, за этого поруганного бессловесного смерда». Слушая крепостного скрипача, Шевченко записал в свой дневник: «Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один мрачный глухой стон миллионов крепостных душ». Все его творчество подобно этому глубокому стону.

А сльоз, а крови напоить
Всіх императорив би стало.

Возвращаясь на пароходе из ссылки, Шевченко у себя в каюте нашел обрывок «Русского инвалида». Прочитав о восстании тайпингов в Китае, он аккуратно переписал речь вождя повстанцев. Слова «мандарины— это жирный убойный скот» он сопровождал примечанием: «Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать то же самое про русских бояр?» Узнав, что в селе Заминках у помещика Дадьянова крестьяне, выгнанные на барщину, зажгли при благоприятном ветре озимые хлеба, поэт записывает в свой дневник: «Отрадное происшествие». Он сожалеет о том, что не успели яровые. «А то за один раз покончили бы».

Но комментаторы из петлюровских хорунжих глубокомысленно поясняли, что в этом случае Шевченко имел в виду москалей, русских бояр и помещиков. Родных же рабовладельцев автор «Гайдамаков» и «Тарасовой ночи» любил поистине сыновьей любовью. В закордонных фашистских газетах, издаваемых на деньги галицийских и украинских помещиков и кулаков, сравнительно не так давно вы могли прочесть: «Шевченко—знамя нашего похода, нашей борьбы за свободную батьковщину». Галицийская кулацкая газета «Народ» утверждала: «Шевченко заповедал нам борьбу за нашу национальность», «Украинский национальный поэт неумирающий Тарас станет нашим знаменем в борьбе с диктатурой и пятилеткой».

Украинские фашисты гримируют Шевченку под за-

клятого врага рабоче-крестьянской Украины. Они пишут: «Шевченко был врагом всякой диктатуры, ибо не вмещалось узкое понятие диктатура в его вольной, как степной простор, украинской душе».

Впрочем редактор луцкой газеты «Украинская нива» допускает исключение: оказывается, как утверждает редактор, фашистская диктатура целиком лежит в системе взглядов великого поэта.

Пятнадцать лет назад Грушевский, председатель центральной рады, послал на могилу поэта прусского лейтенанта 474-го стрелкового полка с официальным визитом. Редактор луцкой фашистской газеты, следуя заветам Грушевского, пробует породнить великого поэта с закордонными фашистами. Он пытается превратить поэта крепостной нищеты в глашатая грядущей интервенции.

XII

Всячески оттеняя национальный момент в творчестве поэта, украинские националисты замалчивают трагедию поэта, заключающуюся в том, что у крестьянской бедноты не было и не могло быть никаких перспектив в обстановке старого общества. В поисках политического идеала поэт невольно обращался к далекому прошлому, к эпохе народных движений. Обращался к далекому прошлому и Гоголь, но соратник казненного гетмана Острицы Тарас Бульба в свой смертный час говорит так, словно всю свою жизнь он

сотрудничал у Дубельта в Третьем отделении. «Подымается на русской земле свой царь и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему»,—говорит Тарас Бульба. Дело в том, что в центре гоголевской повести поставлены не обездоленные крестьянские массы, но казацкая верхушка. Она примет из рук самодержавия права и вольности дворянские и смирит-ся с утратой национальной независимости. Там, где Гоголь произносил патриотические речи, Шевченко проклинал. Шевченко славил гетманов до тех пор, пока они возглавляли народное движение. Но когда наступил час предательства, поэт не боялся клеймить своих героев.

Украинские националисты пишут о безбуржуазном развитии Украины, но Шевченко, размышляя об успехах капиталистической техники, писал в своем дневнике, обращаясь к Уатту и Фультону: «Ваше молодое не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты престола и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школь-ным леденцом. То, что начали во Франции энциклопе-дисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество не-сомненно».

Шевченко, великий национальный поэт Украины, мо-жет быть понят только в свете общедемократического движения сороковых и пятидесятых годов. Он был ранним народником и потому был так восторженно встречен и принят народниками шестидесятых годов.

Творчество поэта у нас должно стать орудием интернационального воспитания, должно послужить всемерному укреплению братского единства трудящихся всех наций. Для этого необходимо критически оценить творчество Шевченки, учитывая все противоречия, свойственные сознанию крестьянского революционного поэта,—задача, которая сейчас встает во весь рост перед нашим литературоведением.

Этих противоречий было немало. Национальный гнет вызвал в творчестве Шевченки ответную волну национальной ненависти. Религиозные мотивы в его поэзии уживались рядом с мотивами атеистическими. Классовый враг еще не раз попытается использовать в своих интересах имя и творчество поэта.

Глубокая идейная насыщенность, подлинный революционный пламень, богатство ритмов, богатство формальных приемов представляют в поэзии Шевченки огромный интерес и для нашей современности. О том, что Шевченко живет не только как корифей украинской литературы, но и как учитель современных, говорит не только украинская и белорусская литература, но и творчество такого своеобразного поэта, каким является Э. Багрицкий.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

ВЫШЛИ В СВЕТ:

- Ленин в поэзии народов Востока, сост. Чачиков.
В. Лидин — Мужество.
А. Веселый — Слово рядовому солдату Максиму Кужелю.
И. Ипполит — Ленин о Тургеневе.
В. Герасимова — Дальняя родственница.
Е. Усиевич — Три статьи.
Я. Смеляков — Дорога.
Бронтман и Эль - Рагистан — На земле племени иомудов.
Э. Золя — Капитан Бюрль.
А. Караваева — Маленькие рассказы.
Г. Киш — Кризис.
Г. Флобер — Простая душа.
А. Новиков-Прибой — На курсе Норд-ост 23°
Як. Рыкачев — Инженеры Беломорстроя.
В. Барахвостов — В комнате пахнет дыней.
А. Виноградов — Шейх Мунсур.
Шалва Сослани — Контролер.
Лев Рубинштейн — Тропа самураев.
Линард Лайценс — Карнавальный гость.
А. Гарри — Конец Петлюры.

Перечисленные книжки Библиотеки „Огонек“
можно получить в любом книжном магазине или
киоске Союзпечати.

На складе издательства названных книг не
имеется и заказы на высылку не исполняются.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА НА**

РОСТ

**двухнедельный журнал массо-
вого литературного движения**

ставит вопросы работы литературных кружков на предприятиях, совхозах и колхозах;

ведет работу с молодыми писателями, печатает их лучшие произведения, консультирует творчество начинающих;

печатает учебные материалы в помощь молодому писателю;

освещает все вопросы, связанные с развертыванием массового литературного движения;

дает образцы современной советской и западной революционной литературы.

В журнале отделы: прозы, поэзии, критики, „Как работали классики“, „Как писать“, „Страница о литстраницах“, „Мой творческий опыт“, „Творчество молодых писателей“, „Смотр литкружков“ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—12 р.

6 мес.— 6 р.

3 мес.— 3 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединением и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ

Цена 40 коп.

1427

80

1200 65

**Продолжается прием подписки на 1934 г.
НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК“**

Подписная цена: Биб-ка „ОГОНЕК“ (6 кн. в месяц)—12 мес.—6 р., 3 мес.—3 р.
Журнал „ОГОНЕК“ (24 №№ в год) — 12 мес.—6 р., 6 мес.—3 мес.—1 р. 50 к.

Подписка принимается: Москва 6, Страстной бульвар, 1.
Жургазобъединение и повсеместно почтой и отделениями
Союзпечати.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ